

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

СОСУДЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ЗАГАДОЧНЫМИ ЗНАКАМИ

Среди археологических материалов, относящихся к срубной культуре, распространенной в степной полосе Восточной Европы в конце II — начале I тысячелетия до н. э., имеется весьма интересная группа сосудов со знаками неизвестного назначения. В связи с работами о «загадочных знаках» Причерноморья античного и ранне-средневекового времени и пробуждающимся интересом к вопросу о письме у скифов и сарматов будет не лишним рассмотреть вопрос о знаках на керамике эпохи бронзы из Причерноморья¹.

Еще в 1907 г. В. А. Городцов опубликовал найденный им при раскопках погребения срубной культуры у деревни Переездной, Бахмутского у. Екатеринославской губ., сосуд, на котором был нанесен ряд загадочных знаков. В. А. Городцов интерпретировал их как знаки неизвестной письменности и указал, что имеется еще ряд подобных сосудов, сведения о которых стоило бы собрать и обработать².

К сожалению, за истекшие с тех пор 45 лет такого исследования не появилось, хотя материал о сосудах со знаками продолжал накапливаться. Правда, в статье В. В. Гольмстен «Об элементах орнаментации керамики родового общества Юга СССР» (ТОПКЭ, I, 1941, стр. 1—8) была сделана попытка исследовать сосуд из Переездной, но эту попытку вряд ли можно считать удачной. В. В. Гольмстен лишь переиздала фото сосуда из «Трудов XIII археологического съезда» и дала его описание, не видев самого сосуда. Вследствие этого в статье говорится о знаке в виде двойной спирали на сосуде, хотя в действительности такого знака на нем нет. Этот несуществующий знак В. В. Гольмстен сравнивает с двойными спиралями на катакомбной керамике, тогда как связь между катакомбной и срубной керамикой не прослеживается. Но самое главное — в статье В. В. Гольмстен были смешаны две разные группы начертаний на сосудах эпохи бронзы — геометрический орнамент и знаки типа алфавитных.

Геометрический орнамент, бесспорно, имеющий свою семантику, появился еще в верхнем палеолите и известен на древнейшей керамике. Для него характерно многократное повторение одного и того же «элемента», «мотива» орнамента и часто заполнение орнаментом всего поля сосуда. Знаки же алфавитного типа известны лишь на керамике эпохи поздней бронзы, встречаются и по одному и по несколько знаков в одну строчку, причем большей частью знаки не повторяются. В результате смешения различных групп источников выводы статьи В. В. Гольмстен получились нечеткими и вопрос о зачатках письменности в эпоху бронзы в степях Причерноморья не получил дальнейшего уяснения.

¹ Ряд материалов для данной работы предоставлен автору О. А. Граковой, за что приносим ей глубокую благодарность.

² В. А. Г о р о д ц о в, Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ., «Труды XIII археологического съезда», т. I, М. (1907), табл. XIII, лс. 1.

В нашей статье мы рассматриваем только сосуды со знаками, оставляя в стороне сосуды с орнаментом. Обратимся сначала к обзору известных в настоящее время материалов.

1. Сосуд из д. Переездной, насколько можно понять из сопоставления дневника раскопок В. А. Городцова 1903 г., его статьи о раскопках и этикетки к сосуду, хранящемуся в ГИМ (I отдел, № 42836), найден в погребении № 1 в насыпи кургана № 1. Сосуд баночной формы, сужающийся ко дну; знаки нанесены по самому венчику веревочным штампом. Сейчас они обведены красным карандашом, причем в одном случае карандашом соединены два разных знака, так что знаков получилось 9, тогда как Городцов

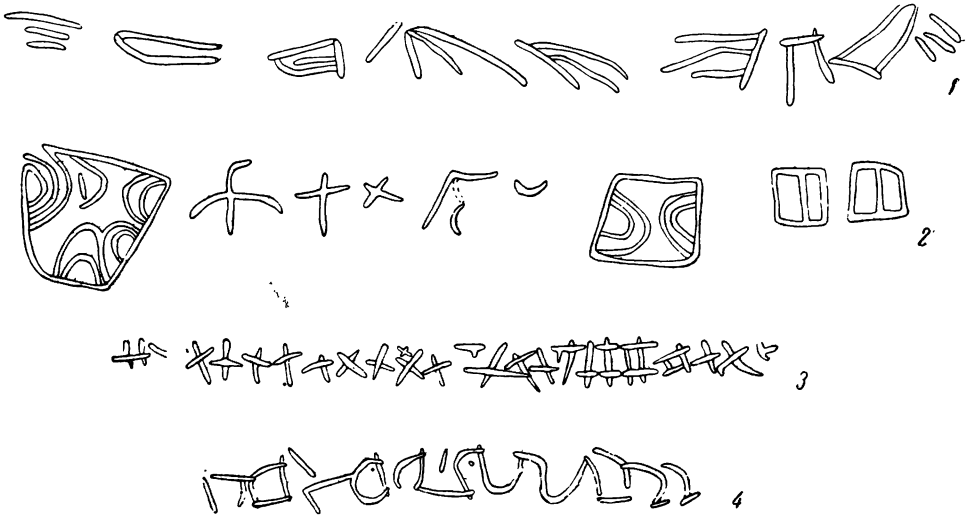

Рис. 1. Образцы надписей на сосудах (1/2 н. в.) 1 — Никополь, Серко; 2 — Переездная; 3 — Таганрог; 4 — Пролейка

говорит о 10. Знаки расположены в строчку, между первым и последним знаком — промежуток почти на $\frac{1}{3}$ сосуда. Знаки представляют собой два прямоугольника, разделенных внутри пополам, два прямоугольника с дугами внутри них, крест с одним загнутым концом, прямой крест, косой крест, две дуги и знак в виде буквы Г (рис. 1, 2).

2. Близ г. Таганрога на «Золотой Косе» в кургане № 1 в скорченном погребении в насыпи при раскопках в 1926 г. был найден второй сосуд со знаками, ныне хранящийся в Таганрогском музее (№ 55)¹. Это типичная банка со слабо выделенным горлом, по которому нарезкой нанесены знаки. Знаков всего 23, два из них повреждены, так как венчик сосуда еще в древности был оббит. Среди знаков прямые и косые кресты, крест с одним загнутым концом, прямоугольники со сторонами, продолженными за углами, знак в виде двух вертикальных прямых, пересекающих одну горизонтальную и т. д. (рис. 1, 3).

3. При раскопках Н. К. Артюзова в 1929 г. на общественном выгоне пригородной слободы в г. Аткарске в кургане № 15 найден баночный сосуд со знаками, расположенными по венчику в строчку (Саратовский музей, № 1164). Знаки нанесены нарезкой, среди них кресты, крест с загнутым концом, Г-образный знак.

4. В погребении № 1 кургана № 1 у д. Перевесенка Балашовского района, Саратовской губ. найден небольшой баночный сосуд, по плечам которого прочерчена острым

¹ Б. В. Луни, Загадочный сосуд, «Советский Северный Кавказ», 1930, № 3, стр. 37.

инструментом непрерывная строчка знаков. Среди них можно различить прямоугольник, разделенный пополам, трезубец и т. д. (Саратовский музей, № 1373).

5. Б. Н. Граковым в 1945 г. в курганной группе Серко, под Никополем, в погребении № 4 кургана № 1 найден баночный сосуд с поясом знаков, расположенным под венчиком и нанесенным веревочным штампом (Никопольский музей). Знаки явно орнаментизированы, о чем говорит заключение их между двумя поясами веревочки, но не образуют ритмичного орнамента. Среди них мы различаем прямоугольник, разделенный пополам, прямоугольник, соединенный с П-образным знаком, линии, расходящиеся пучком от прямой и т. д. (см. рис. 1, 1).

6. В окрестностях с. Горная Пролейка, в Нижнем Поволжье, в курганной группе «Красные Камни» в кургане № 1, в парном детском погребении № 5 при раскопках И. В. Синицина в 1949 г. найден баночный сосуд со знаками, нанесенными прочерчиванием. Знаки расположены в строчку и соединены между собой, так как палочка при прочерчивании не отрывалась. Среди знаков — прямоугольники, соединенные с П-образной фигурой, волна, дуги (см. рис. 1, 4)¹.

7. В Мариупольском музее хранится негатив фотографии баночного сосуда со знаками из раскопок в Святогорском монастыре на Северном Донце. Среди плохо различимых знаков виден крест с одним загнутым концом.

8. Из курганов у с. Мастюгина Воронежской обл. происходит острореберный сосуд с прочерченным орнаментом из горизонтальных зигзагов на плечах. Среди зигзагов вставлено три знака в виде прямоугольников, разделенных пополам (Эрмитаж, № 68—2)².

9. У с. Родионовка Бахмутского у. Екатеринославской губ. при раскопках В. А. Городцова в 1903 г. в насыпи найдено пять баночных сосудов, на одном из которых под венчиком нанесен знак в виде свастики с округло-загнутыми концами и перечеркнутым одним концом (Днепропетровский музей, № 40242)³.

10. В районе Покровска при раскопках курганов П. Н. Шишкиным найден баночный сосуд, на стенке которого начертано два знака в виде двух параллельных горизонтальных линий и двух соединенных углами ромбов⁴.

11. Из раскопок П. Д. Рау под Покровском происходит другой сосуд с двумя знаками на стенке в виде буквы Z и Г. Сосуд острореберный, удлиненных пропорций с суженной шейкой (Саратовский музей).

Сосуды со знаками известны и из поселений срубного времени.

12. На Кобыковом городище у ст. Аксайской на Дону в нижнем культурном слое в 1924 г. был найден фрагмент венчика сосуда со знаками, нанесенными веревочкой. Сохранилось два знака — в виде ромба и сегмента⁵.

13. При раскопках В. И. Равдоникаса в 1932 г. на стоянке срубной культуры в с. Костенках на Дону найден фрагмент баночного сосуда с кружковым орнаментом, поверх которого нарезкой нанесены знаки в виде прямых и косых крестов, ромба со сторонами, продолженными за углы, и т. д. (МАЭ, Ав., 50—51).

14. Г. В. Подгаецким при раскопках 1936 г. на Воронежской ГЭС найден фрагмент баночного сосуда с четырьмя знаками, нанесенными гребенчатым штампом под венчиком. Это — углы, косой крест и знак в виде линий, отходящих от одной прямой (Воронежский музей, № 509).

15. На поселении белогрудовского типа Синицкий лес, в 12 километрах от Умани,

¹ И. В. Синицин, Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), рис. 35, 4 и 37.

² Издан В. В. Гольмстен, ТОПКЭ, I, табл. 1.

³ В. А. Городцов, ук. соч., рис. 56.

⁴ П. Н. Шишкин, Курганы на общественном выгоне г. Покровска, «Труды общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете», вып. 34 (1923), Саратов, стр. 23.

⁵ «Сообщения ГАИМК», вып. I (1926), стр. 140—141, рис. 35—36.

А. И. Тереножкин нашел в 1949 г. маленький сосудик с расположенными в незамкнутую строчку знаками — дугой, прямоугольником с продолженными за углы сторонами и рядом насечек¹.

Наконец, из беспаспортных сосудов со знаками стоит назвать два.

16. Сосуд Днепропетровского музея (№ 40721) — банка с незамкнутой строчкой знаков, нанесенных прочерчиванием под венчиком. Здесь, как и на сосудах из Перевесенки и Пролейки, палочка не отрывалась при нанесении знаков. Можно различить знаки в виде букв Z, Г, крест, волну и знак из двух горизонтальных линий.

17. В Никопольском музее хранится баночный сосуд, на боку которого начертаны знак в виде креста с загнутым концом, угол и волна.

Таковы материалы о сосудах срубной культуры со знаками. Касаясь вопроса их датировки, отметим, что сосуды со знаками представлены и в ранне-срубных памятниках, например, в поселениях в Костенках и на Воронежской ГЭС, и в памятниках предскифских — Кобякова и Синицкий лес. Так как ни в ямной, ни в катакомбной керамике сосуды со знаками неизвестны, можно сказать, что знаки распространились в степной полосе Восточной Европы в середине II тысячелетия до н. э. и бытовали до скифского времени.

О значении этих знаков возможны три предположения: 1) это — вид орнаментации сосудов; 2) это — знаки типа тамг; 3) это — знаки письменности.

Первое предположение можно отвести без особого труда: здесь нет ритмичного повторения одних и тех же знаков, знаки часто не образуют полного пояса на тулове сосуда; известны и одиночные знаки. Большая часть этих знаков среди орнаментальных мотивов срубной культуры не встречается. Наконец, показателен случай перекрытия орнамента знаками на костяковом сосуде.

Взгляд на знаки, как на тамги, требует более детального разбора. Сравнительно недавно он был высказан Б. А. Рыбаковым в его докладе на заседании сектора этногенеза ИИМК (1949) «К вопросу о письменности в русском каганате». Установив тождество знаков на кирпичах Саркела и на серебряных сосудах Надь-Сент-Миклошского клада, Б. А. Рыбаков считал эти знаки за алфавит, употреблявшийся на Руси до X в. В связи с этим он утверждал, что знаки на сосудах из Алеканова², обычно рассматривавшиеся как памятники докириллической русской письменности, таковыми не являются. Б. А. Рыбаков проводит аналогию между сосудами из Алеканова и из Переездной, справедливо видя в них явления одного порядка, и для объяснения этих знаков привлекает кабардинский обычай, по которому во время ширшеств представители разных родов вырезали на обходившей круг деревянной чаше свои тамги. Такое объяснение происхождения знаков и на глиняных сосудах кажется на первый взгляд убедительным. Однако оно мало реально. Нужно учесть, что знаки нанесены на сосуд до обжига (штапом, — веревочкой, намотанной на палочку, прочерчиванием по мягкой глине и т. д.), а не процарапаны по обожженной глине, следовательно, нанесены до употребления сосуда. Кроме того, сосуды из погребений в Пролейке и Перевесенке и днепропетровский сосуд, на которых знаки начертаны «скорописью», не отрывая руки, явно говорят об одновременном нанесении всех знаков на сосуд одним человеком. Итак, кабардинский обычай не может объяснить происхождение загадочных знаков на сосудах срубной культуры.

Необходимо подчеркнуть, что мы имеем дело не с единичными знаками на керамике, которые могут быть тамгами и известны в ряде мест³, а с длинными строчками знаков. В материалах по археологии первобытного общества мы знаем такие строчки

¹ О. И. Тереножкин, Поселения білогрудівського типу біля Умані, «Археологія», т. V (1951), Киев, табл. I, 5—6.

² Опубликованы в статьях В. А. Гордцова в «Археологических известиях и заметках», 1897, № 12, стр. 389, и 1898, № 11—12, стр. 370—371.

³ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 78—82, рис. 19—20.

знаков лишь на линейно-ленточной керамике в Чехословакии (Селч)¹, на одном сосуде трипольской культуры² и на сосудах из могильника эпохи поздней бронзы у Ханлара в Азербайджане³. К сожалению, в первом случае известно лишь два фрагмента со знаками, во втором один сосуд, а в третьем — три сосуда со знаками. Несмотря на ограниченность материала, все исследователи, публиковавшие их, считали возможным говорить об этих знаках, как о примитивной письменности. Материалы о знаках срубной культуры обширнее, и то, что эти знаки не орнамент и не тамги, здесь гораздо яснее. Поэтому мы можем с большим правом видеть в этих знаках зачатки письменности.

Но возможно ли существование письменности во времена срубной культуры? Нам кажется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Срубная культура — культура с развитыми скотоводством и земледелием, с высоко развитой металлургией. Это культура, в которой, как показали А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, уже возникло наследование имущества и намечилось накопление богатств в руках старейшин⁴. Эпоха срубной культуры — это время развитого обмена с Югом и Востоком, эпоха продвижения скотоводческо-земледельческих племен на Север, в лесостепь, эпоха разложения первобытно-общинного строя. Появление зачатков письменности в эту эпоху вполне допустимо.

Расшифровка описанных знаков вряд ли возможна, но можно утверждать, что эти начертания на сосудах не связаны с погребальным культом: сосуды со знаками найдены и на поселениях, а найденные в могилах носят следы употребления (на сосуде из Переездной есть нагар, а у сосудов из Таганрога и Пролейки оббиты шейки).

Была ли предполагаемая письменность общей для всей срубной культуры или в каждом отдельном случае мы имеем дело с письменностью, ограниченной узким районом? Ответить на этот вопрос трудно, но сопоставление знаков на разных сосудах говорит об их большой близости. Совпадение простых знаков вроде креста можно не принимать во внимание, но совпадают и очень оригинальные знаки — кресты с одним загнутым концом, ромбы, стороны которых продолжены за углами, прямоугольники, разделенные пополам, пучки линий, расходящиеся от одной прямой, замкнутые фигуры, соединенные со знаком в виде буквы П (рис. 2). Между разными районами срубной культуры, бесспорно, существовали тесные связи, ничем не затрудненные в степных условиях. Обмен, в первую очередь основанный на металлургии (месторождения меди имеются лишь в немногих районах на территории срубной культуры), привел к большой общности культуры на значительном пространстве. В связи с этим единством культуры можно предполагать и общность этой зачаточной письменности.

Весьма интересен вопрос о том, каким путем возникли зачатки письменности в степной полосе Восточной Европы. Мы не можем считать, что они были заимствованы в готовом виде извне, ибо нигде в эту эпоху мы не знаем сходных знаков. И трипольские, и закавказские знаки отличаются от срубных. Очевидно, начальная письменность складывалась на местной основе. Обычно считается, что идеографическая письменность возникает на основе письменности пиктографической, путем схематизации рисуночного письма. Однако вряд ли можно признать этот путь универсальным. Так, мы знаем и по письменным источникам и по археологическим материалам о самостоятельной докириллической письменности, «чертах и резах», у славян, но не можем указать ей предшественников в виде рисуночного письма. Подобным образом и для срубной культуры нет данных о переходе от пиктографии к письму, так как в степях Восточной Европы изображения реальных предметов появляются лишь в предскиф-

¹ R. M o s c h k a u, Eine steinzeitliche Scherbenschrift der Spiralmäanderkeramik, «Mannus», т. 11—12 (1919—1920), стр. 206.

² И. А. Л и н и ч е н к о и В. В. Х о в о й к о, Сосуды со знаками из находок на площадках трипольской культуры, ЗООИД, т. XXIII (1901), стр. 207—210.

³ И. И. М е щ а н и н о в, Загадочные знаки Причерноморья, ИГАИМК, вып. 62 (1933), стр. 41—50.

⁴ А. П. К р у г л о в и Г. В. П о д г а е ц к и й, Родовое общество степей Восточной Европы, ИГАИМК, вып. 119 (1935), стр. 150—175.

ское время, а до этого с эпохи мезолита¹ господствуют различные геометрические начертания, имевшие определенную семантику. От этих геометрических начертаний, в первую очередь от орнамента на керамике, и происходят знаки письма срубной культуры. В нашей литературе давно отвергнуты теории эстетического и утилитарного значения первобытной орнаментики и показан ее магический характер².

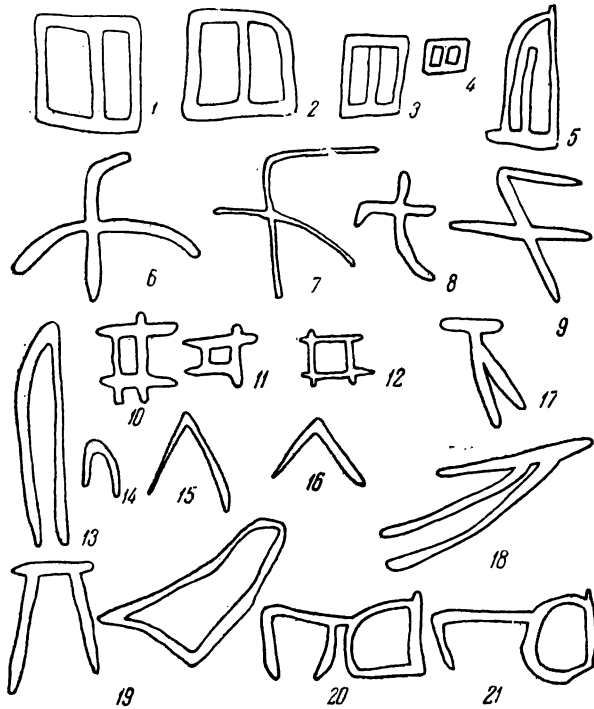

Рис. 2. Таблица сопоставлений знаков на разных сосудах. 1, 2, 6 — Перездная; 3, 4 — Мاستюгино; 15, 13, 18, 19 — Никополь, Серко; 7, 15 — сосуд Никопольского музея; 8, 10, 11 — Таганрог; 9 — Аткарск; 12, 14 — Сивницкий лес; 16, 17 — Вор. ГЭС; 20, 21 — Пролейка

В. В. Гольмстен установила, что орнаментика керамики эпохи бронзы Юга нашей страны сводится к небольшому числу элементов «мотивов» орнамента, иногда употреблявшихся самостоятельно и, таким образом, имевших определенный смысл. Каждый элемент орнамента может, следовательно, рассматриваться как определенный знак в потенции.

Рассматривая эволюцию орнаментации керамики, мы можем отметить, что древнейшая керамика ямной культуры всегда покрыта орнаментом из одного элемента (зигзаг или фестоны), керамика же полтавкинской, равно как и катакомбной, а позднее срубной культуры покрыта часто зонами разного орнамента. Таким образом, если на древнейшей керамике орнамент выражал лишь одну мысль, то на позднейшей — ряд элементов орнамента выражал несколько понятий. Но особенно интересно, что на керамике срубной культуры встречается не только несколько зон разного орнамента,

¹ О. Н. Б а д е р, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2 (1945), стр. 126—139.

² М. В. В о е в о д с к и й, К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества лесной зоны Европейской части РСФСР, СА, № 1 (1936), стр. 74; Е. Ю. К р и ч е в с к и й, Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы, УЗЛГУ, ист. сер., вып. 13 (1949), стр. 54—110.

но и сочетание в одной зоне нескольких элементов. Так, из раскопок Н. Я. Мерперта в 1950 г. у с. Ягодное в Поволжье происходит ряд срубных сосудов, зона орнамента которых состоит из зигзагов, затем переходящих в треугольники с внутренней штриховкой, далее переходящие в заштрихованные ромбы. В Новочеркасском музее (№ 5030) хранится еще более интересный сосуд из ст. Нижне-Кундрючинской. На нем в одном поясе орнамента размещены одно колено меандра, одно колено орнамента в виде городков, зигзаг, зигзаг с заполнением внутреннего поля точками, заштрихованные треугольники. Здесь в одной строчке сочетаются пять элементов орнамента, каждый из которых имеет свою семантику. Отсюда уже очень недалеко до примитивной письменности. Эти наблюдения позволяют установить следующую последовательность в возникновении письменности в степях Восточной Европы: от древнейшей керамики, покрытой орнаментом из одного элемента — к керамике с зонами орнамента из разных элементов — к керамике с сочетанием в одном поясе разных элементов орнамента — к сосудам со знаками. Неудивительно поэтому, что знаки имеют в основе элементы орнаментации. Мы отмечали, что почти на всех сосудах со знаками встречаются знаки в виде креста прямого или косого. Крест известен и как мотив орнамента в срубной керамике. «Особенностью орнамента бахмутских погребений в насыпях, — пишет В. А. Городцов, — служат нередко встречаемые кресты, то прямые, то косые»¹. Отличие сосудов со знаками заключается в том, что на них кресты встречаются по отдельности среди других знаков. Среди орнаментов срубной культуры представлены также ромб и свастика. То, что орнамент закономерно связан с письменностью, показывают и этнографические материалы. Так, у ацтеков в начале XIV в. произошла решительная перемена в стиле орнаментации керамики, переход от прямолинейных узоров к криволинейным, что было обусловлено распространением в это время пиктографической письменности миштеков².

Дальнейшие судьбы зачаточной письменности срубной культуры неясны. Скифские памятники не дают керамики со знаками. Быть может, приток новых этнических групп в степи Восточной Европы, племен, которым письменность не была известна, и слияние этих племен с потомками носителей срубной культуры привели к отмиранию письменности. Зачаточная письменность не во всех случаях находила развитие в позднейшее время. Но не исключено и другое предположение. Скифская керамика, за исключением небольшой группы чернолощеной керамики, отличается от керамики эпохи бронзы крайней бедностью орнаментации. На смену срубным сосудам с орнаментом из меандров, заштрихованных ромбов и треугольников и т. д. пришла керамика со скромными налепами, защипами и прочими незатейливыми узорами, вряд ли имевшими какую-либо семантику. Таким образом, орнаментация керамики скифской эпохи не имела того культового значения, которым обладали орнаменты керамики эпохи бронзы. В этой связи понятно отсутствие сосудов со знаками у скифов. Знаки могли быть перенесены на другой материал. Как на пример можно сослаться на три знака, выгравированных на перо архаической скифской шипастой стрелы из-под Камышина³. Все три знака известны на срубной керамике: это угол, знак в виде буквы Z (ср. покровский и днепропетровский сосуды), знак в виде двух коротких вертикальных линий, пересекающих длинную горизонтальную (ср. таганрогский сосуд). Не исключено, что в дальнейшем удастся перекинуть мост от знаков на керамике эпохи бронзы к загадочным знакам на ольвийских надписях III в. до н. э. — I в. н. э., в которых некоторые исследователи видят письменность скифов⁴. Решение этого

¹ В. А. Г о р о д ц о в, Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ., «Труды XIII археологического съезда», т. I, стр. 243.

² Д. В а й я н, История ацтеков, М., 1949, стр. 115.

³ P. D. R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pокtowski, 1929, табл. 20, *d*. Большой материал о знаках на скифских стрелах, в том числе и более позднего времени, собран Г. Д. Смирновым.

⁴ І. Г. Ш о в к о п л я с, Наукове життя Інституту Археології у 1949 р., «Археологія», т. IV, Киев, 1950 (сообщение о докладе В. Н. Даниленко «К вопросу о скифской письменности»).

и ряда других вопросов, связанных с проблемой возникновения письменности в степях Восточной Европы, зависит от дальнейшего накопления материалов о срубных сосудах со знаками¹.

А. А. Формозов

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК РЫНОК РАБОВ ДЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО МИРА

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин подчеркивает, что многочисленные «... племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»². Это относится и к населению тех районов, которые не входили в состав крупных рабовладельческих империй. Изучение экономической базы, хозяйственной жизни племен и народов древнего мира представляет огромный интерес и необходимо для понимания их политической и культурной истории.

Задача настоящей работы — рассмотреть вопрос о вывозе рабов из Северного Причерноморья, о значении этого экспорта для остальных стран античного мира и о соотношении этой статьи северночерноморского вывоза с другими его статьями.

Утверждения многочисленных исследователей, что из Северного Причерноморья вывозилось значительное число рабов, покоятся, на первый взгляд, на надежных свидетельствах историков (Полибий, Страбон, Аристофан, эпиграфические данные)³.

Ряд советских историков твердо придерживается того мнения, что рабы были главной или, по крайней мере, очень важной статьёй северночерноморского экспорта⁴. Однако более глубокое изучение этой проблемы приводит к серьезным сомнениям

¹ Когда данная статья уже печаталась, из печати вышел VI том сборника «Археология» (Киев, 1952 г.) с заметкой Н. В. Сибилева «Старадавня посудина з письменами» (стр. 139—141), где опубликован оставшийся нам неизвестным сосуд со знаками из с. Рубцы на р. С. Донец. Знаки на сосуде сходны с описанными нами.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12—13.

³ P o l y b., IV, 38, 4—5; S t r a b o, VII, 3, 12; XI, 2, 12; XI, 2, 3; A p r i c t o f a n (Lysistr., 184, 451—455) упоминает о рабыне-скифиянке и скифских стрелках. О том же свидетельствуют схолии к «Лисистрате» (В. В. Л а т ы ш е в, Известия..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 301). Эпиграфические данные также подтверждают наличие в различных частях греческого мира рабов — уроженцев Северного Причерноморья (см. Б. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 231—309, №№ 81 а и б, 108—111, 114, 115 и др.; как мне известно, со времени появления этого свода новых эпиграфических данных нет).

⁴ А. И. Т ю м е н е в (История античных рабовладельческих обществ, М.—Л., 1935, стр. 41) считает, что рабы массами закупаались также в южной России и Скифии; А. А. И е с с е н (Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности, Л., 1947, стр. 36, 57, 76) подчеркивает, что рабы были основным видом северночерноморского экспорта; Д. П. К а л л и с т о в (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 138) указывает на «... факт широкого экспорта рабов из Северного Причерноморья в средиземноморскую Грецию уже в V в.»; В. В. С т р у в е (Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 39) пишет, что «... в больших приморских городах Боспора имелось... большое количество рабов, предназначенных для вывоза»; такого же мнения придерживается и Ю. С. К р у ш к о л, (Экспорт и с.-х. импорт Северного Причерноморья в V—I вв. до н. э.,